

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**МИР ЕВРАЗИИ: ОТ ДРЕВНОСТИ
К СОВРЕМЕННОСТИ**

**Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
(г. Уфа, 5 марта 2020 г.)**

Том 1

**Уфа
РИЦ БашГУ
2020**

УДК 94
ББК 63.3(0)
М63

*Печатается по решению кафедры Зарубежной истории ИИГУ.
Протокол № 9 от 24.04.2020 г.*

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук, доцент **Н.А. Бессилин**;
канд. ист. наук, доцент **Е.А. Круглов**;
канд. ист. наук, доцент **Р.Р. Тухватуллин** (*отв. редактор*);
канд. ист. наук, ст. преподаватель **Ю.С. Усова**;
канд. ист. наук, доцент **Р.Р. Хадимуллин**;
канд. ист. наук, доцент **А.О. Целищев**;
канд. ист. наук, доцент **Ф.Ф. Шаяхметов**

М63 Мир Евразии: от древности к современности:
сборник материалов Всероссийской научно-практической кон-
ференции (г. Уфа, 05.03. 2020 г.). Т. 1 / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин.
– Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – 424 с.
ISBN 978-5-7477-5117-0

Сборник является продолжением традиции опубликования научных работ серии «От древности к новому времени: проблемы истории и археологии».

Представляет интерес для исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется современными историческими, этнологическими, археологическими, философскими и общегуманитарными изысканиями.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов данного сборника.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-7477-5117-0

© БашГУ, 2020

Японское население характеризуется присутствием двух главных (D и O) и двух незначительных (C [8,5%] и N [3,9%]¹) кладов (типов) Y-хромосом, каждый с несколькими под-линиями. Хромосомы гаплогруппы D² присутствуют на уровне 34,7% и распределены с самой высокой частотой на севере Японии у айнов (от 75% до 87,5% [44, p. 49, 51, 51 table 1]) и рюкюсцев на юге (до 60% [44, p. 54]). Напротив, гаплогруппы O (51,8%³) были распределены в обратной последовательности с максимальной частотой на Кюсю [44, p. 50, 50 fig. 2; p. 51, 51 table 1; p. 52, 54; 54 fig. 5]. Исследование Y-хромосом показало, что гаплогруппы D и C⁴ начали своё распространение в Японии 20 000 и 12 000 лет назад [т.е. в XVIII и X тыс. до н.э.], соответственно, в то время как гаплогруппа O-47z появилась на Японских островах только 4 000 лет назад [44, p. 47, 50, 53, 54, 55, 56] (во II тыс. до н.э.).

Таким образом, носителей гаплогруппы D можно отождествить с наиболее древним исторически прослеживаемым населением Японского архипелага, которым являются этногруппы *протоайнов*⁵. Появление их на Японских островах

---

¹ Клады (типы) N и O разделяют общий узел в древе Y-хромосомы, который определяется маркером M214. В то время как NO* хромосомы чрезвычайно редки, но они найдены в Японии при более высокой частоте, нежели где-либо, хотя только на уровне 2,3%. Присутствие NO* хромосомы в Японии также может быть признаком остаточной тибетской родословной. Недавнее исследование митохондриальной ДНК (mtDNA) показало прямые связи японских гаплотипов с Тибетом – параллель для других гаплогрупп, обнаруженных у Y-хромосом японцев. Гаплогруппа M12 – митохондриальный коллега Y-хромосомы линии D. Эта редкая гаплогруппа была обнаружена только у материковых японцев, корейцев и тибетцев, с самой высокой частотой и разнообразием в Тибете [44, p. 52, 55].

² Носителями гаплогруппы D с высокой частотой является население Тибета, Японского архипелага (см.: [44, p. 49, 51, 51 table 1]) и Андаманских островов (гаплогруппа D-M174* [44, p. 55]) (народы *джарава* и *онге* на Андаманских островах и *айны* имеют почти исключительно данную гаплогруппу D, хотя у айнов кроме гаплогруппы D с частотой около 15% также встречается Y-хромосомная гаплогруппа C).

³ Есть два главных субклада O гаплогруппы: O-P31 и O-M122, оба из которых присутствуют в высокой частоте в Японии. Субклад O-P31 присутствует в частоте 31,8% и, в свою очередь, разделён на подтипы: O-SRY₄₆₅ и O-M95. O-SRY₄₆₅* и от него полученная гаплогруппа O-47z почти полностью ограничены (территориально) и имеют противоположные образцы частоты в Японии (7,7% и 22,0%, соответственно) и в Корее (33,3% и 4,0%, соответственно) [44, p. 51, 50 fig. 2].

⁴ Третий по частоте главный клад (тип) в Японии – гаплогруппа C (в основном, от северных азиатов), которая насчитывает 8,5% японских Y-хромосом. Три субклада в гаплогруппе C отмечены мутациями M8, M217 и M38. C-M217 и полученная линия C-M86 – обычные гаплогруппы в Северо-Восточной и Центральной Азии, но в Японии присутствуют только в низкой частоте (1,9% и 1,2%, соответственно). Интересно, C-M217 найден у айнов и материковых японцев, но не на Окинаве. Хромосомы C-M38 найдены только в ареале Тихого океана и восточной Индонезии. Хромосомы C-M8 полностью ограничены японским архипелагом, представлены на уровне 5,4% на материке и Окинаве, но не у айну. Гаплотип C-M8, связан с гаплотипами Y-STR, которые связаны с индийскими и центрально-азиатскими C хромосомами [44, p. 52, 53, 50 fig. 2, 51 table 1; p. 55].

⁵ См.: [44, p. 47, 50, 50 fig. 2; p. 51, 51 table 1]. D гаплогруппа – вторая по частоте гаплогруппа Японии, разделена на три субклада: D-P37.1, D-M15 и D-P47. Происхождение D-P37.1 – удивительно длинная ветвь на древе Y-гаплогруппы, с шестью мутациями, попадающими на внутренние ветви и три последующих мутации, определяющие три под-линии происхождения (D-M116.1, D-M125, D-P42). За пределами Японии субклад D-P37.1 и его под-линии чрезвычайно редки, будучи найденными только у трёх корейских мужчин (D-P37.1* и D-M125*) и у одного мужчины из Микронезии (D-M116.1*). Другие два субклада гаплогруппы D-M174 найдены только на Азиатском материке. D-M15 присутствует в Тибете, Монголии и Юго-Восточной Азии, и D-M174* найден в Центральной Азии. Недавно идентифицированная мутация P47 определяет четвёртую азиатскую линию D гаплогруппы, которая отмечает большинство хромосом, что были ранее предковой гаплогруппой D-M174* из Центральной Азии [44, p. 51-52]. Генетическая близость тибетцев к японской группе, вероятно, происходит из-за распространённости линий D гаплогруппы у населения Японии (у айнов) и Тибета (50,4%). – См.: [44, p. 52; 52 fig. 3; p. 55].

исследователи связывают с миграцией на рубеже мезолита и неолита (X–VIII тыс. до н.э.)⁶ [15, с. 118; 28, с. 32; 29, с. 9; 44, р. 47, 48, 54, 55, 56] народов *протоайнской* (*палеоайнской*) группы [14, с. 7; 45], видимо, выходцев из Юго-Восточной Азии⁷ (выводы сделаны, в том числе, и на основе анализа морфологии зубов и черепов) [3, с. 46; 24, с. 196, 197; 7, с. 105; 29, с. 9; 27, с. 82; 28, с. 32; 42, с. 76; 6, с. 22; 5, с. 18-19; 44, р. 49]. Переселение, по мнению ряда учёных, возможно, происходило несколькими волнами вплоть до IV тыс. до н.э. [1, с. 66; 3, с. 46]. *Палеоайны* расселились по всей территории Японских островов от Рюкю до Хоккайдо [8, с. 59; 15, с. 118; 3, с. 46; 24, с. 197, 198; 44, р. 47; 47, р. 110].

По мнению исследователей, из Юго-Восточной Азии *протоайны* были вытеснены миграциями *аустронезийцев*, продвигавшихся на север [1, с. 62] тем же путём, что и предки *айнов* [8, с. 59], и по культуре близкие к древним *айнам* (предки *кумасо* и *хаято*) [1, с. 66; 15, с. 118; 29, с. 9]. Японский учёный Ока Масао выделяет две группы *аустронезийского* происхождения, проникших на территорию Японских островов в разное время [13, с. 262; 12, с. 22].

Первая, попавшая в период среднего *дзёмона* (2,5–1,5 тысячи лет до н.э. [14, с. 8]) – племена *меланезийского* типа (или находящиеся под влиянием *меланезийской* культуры), занимавшиеся охотой. Для группы характерна *матрилинейная* структура и системы тайных обществ. Они являлись носителями горизонтальной *космогонии*, в которой страна мёртвых находилась за морем. Оттуда же являются духи и божества [12, с. 22; 13, с. 261-262]. С данными *аустронезийцами* можно отождествить носителей гаплогруппы O-47z из Юго-Восточной Азии⁸, которая появилась на Японских островах в начале II тыс. до н.э. [44, р. 47, 55]. Вакамори Тарб, изучая татуировки, определил, что народы Юго-Восточной Азии заселили Японию ещё до проникновения туда риса [8, с. 12]. Во II тыс. до н.э. эти *аустронезийцы* обосновались на Кюсю, Сикоку и юге Хонсю [3, с. 46], вытеснив оттуда *айнов* [40, с. 126; 19, с. 213; 11, с. 216; 27, с. 83].

Позднее, в конце *дзёмона* и начале *яёй* (500-400 гг. до н.э. [14, с. 8]), из районов к югу от реки Янцзы, прибыла ещё одна *аустронезийская* группа (или

⁶ Некоторые авторы называют V тыс. до н.э. как время миграции *протоайнов* [3, с. 46; 35, с. 405; 2, с. 137; 53, р. 12].

⁷ С другой стороны, несколько авторов поддерживают гипотезы северо-восточного-азиатского происхождения носителей культуры *дзёмон* при помощи маркера классических полиморфизмов, показывающих сходство японцев с североазиатским населением, а также за счёт исследования Y-хромосомной и митохондриальной ДНК (mtDNA), показывающей более близкие связи японцев с корейцами и тибетцами [44, р. 49].

⁸ Вся O гаплогруппа, как полагают, имеет происхождение из Юго-Восточной Азии. Субклад гаплогруппы O-SRY465* и полученная из него гаплогруппа O-47z почти полностью ограничены (территориально) и имеют противоположные образцы частоты в Японии (7,7% и 22,0%, соответственно) и в Корее (33,3% и 4,0%, соответственно). Субклад O-47z найден у всего японского населения, кроме *айну*, с более высокими частотами в Японии (21,3% – 28,3%), чем на Окинаве (11,1%). O-M95 – маркер, найденный с заметными частотами в Юго-Восточной Азии и племенном населении Южной Азии, и редко в Северо-Восточной Азии – присутствует в Японии на уровне 1,9%. O-M122 – другой главный субклад гаплогруппы O, представлен в Японии двумя полученными подтипами: O-M134 (10,4%) и O-LINE (3,1%), а также хромосомами, не отмеченными любыми последующими мутациями: O-M122* (6,6%). Эти линии широко распространены в Юго-Восточной Азии, Океании и у некоторого центрально-азиатского населения – в сравнении с субкладами O-LINE1 и O-M134, составляющими почти 50% всех хромосом, взятых в качестве образцов в Китае [44, р. 51, 50 fig. 2; р. 53].

говорящая на *аустронезийском* языке), ассимилировавшаяся с первой группой [13, с. 262]. Они также занимались охотой, и система родства тоже была *матрилинейной*. Предполагается, что во главе их общин, стояли женщины-*шаманки*, а в каждом селении были *шаманы*. С этой группой Ока Масао связывает *солярный культ*⁹ и мотив божеств-*сиблингов*, рождающих землю посреди моря [12, с. 22; 13, с. 262].

В результате всех этих переселений на основе айнского этнокультурного компонента, как превалирующего на островах [37, с. 93; 36, с. 32, 33; 4, с. 21-22; 38, с. 106; 50, р. 4-5], формируется неолитическая культура *дзёмон* (VIII/IV–I тыс. до н.э.).¹⁰ В основе хозяйства носителей этой культуры лежали охота, рыбная ловля, прибрежное и лесное собирательство [34, с. 40, 86, 87; 30, с. 4; 28, с. 36; 29, с. 140-142, 142-143; 10, с. 10, 11; 39, с. 22; 7, с. 12-59; 25, с. 271; 19, с. 24; 36, с. 42, 45; 38, с. 168-169; 16, с. 309; 43, с. 592] (**присваивающее хозяйство**) [29, с. 15; 34, с. 87; 10, с. 10-11; 47, р. 106-107; 46, р. 22-33]. Как указывают исследователи, вряд ли можно говорить о реальном культурном единстве всего населения архипелага в эпоху неолита, что отражается в значительном многообразии локальных вариантов культуры *дзёмон* и вызвано различиями в происхождении тех компонентов, которые легли в основу формирования позднейшей протояпонской этнической общности [9, с. 396; 6, с. 4, 100; 44, р. 48]. На что могут указывать различные типы захоронений периода *дзёмон* [10, с. 197, 198].

Как показывает археологический материал, в период неолита большая часть территории Японских островов была густо заселена, о чём, по мнению исследователей, свидетельствует плотная сетка открытых археологических памятников (около 300 тысяч стоянок) [17, с. 303; см.: 7; 6, с. 3]. Раскопками открыты следы многих стоянок (наиболее густо расположенных в центральных районах Хонсю – в префектурах Гифу, Нагано, Сидзуока, Яманаси, Айти, Тояма), обитатели которых занимались охотой, рыбной ловлей, собирательством [43, с. 592; 39, с. 22; 29, с. 140-142, 143; 34, с. 86, 87; 6, с. 31; 19, с. 24; 2, с. 138; 15, с. 118; 44, р. 48]. С начала своего появления на островах (с раннего неолита) население жило оседло небольшими коллективами [29, с. 15; см.: с. 15-16, 18; 30, с. 4; 16, с. 309, 164; 6, с. 31; см. с. 188], состоявшими из нескольких больших семей [7, с. 56]. Первоначально семьи обитали в коллективных жилищах [33, с. 22], а в последствии каждая семья перешла в отдельное строение. Родство было матрилинейным [7, с. 56, 57; 34, с. 41].

Небольшие поселки состояли обычно из 10, реже 20 домов, которые располагались по дуге в 2-3 ряда. В поселениях преобладающим типом жилища

⁹ Возможно, связанный с позднейшим культом Аматаэрасу [12, с. 22; 13, с. 262].

¹⁰ Что касается абсолютной хронологии культуры *дзёмон*, то этот вопрос остается пока ещё недостаточно разработанным; авторы по-разному датируют нижнюю границу периода *дзёмон*: III тыс. до н.э., V–IV тыс. до н.э., и даже к VI тыс. до н.э. [24, с. 183]; часто *дзёмон* трактуется как вообще период неолита, тогда как его нижняя граница опускается ещё ниже: до VII тыс. до н.э. [25, с. 271] или до VIII тыс. до н.э. [10, с. 248; см. также: 7, с. 18; 14, с. 8; 48; 47, р. 109]; или даже 12 тыс. лет назад, т.е. с X тыс. до н.э. [44, р. 48, 55; см.: 47, р. 106]. Более того, называют даже 14,5 тыс. лет до н.э. [46, р. 24].

была полуземлянка (яп. *татэана*) [16, с. 309; 43, с. 592; 18, с. 48-52; 34, с. 38, 40], круглая (3-6 м в диаметре), овальная или квадратная, с очагом в центре, площадью 15-20 кв. м, обычно на 4-5 взрослых людей [43, с. 592; 16, с. 309; 36, с. 45; 19, с. 27; 54, р. 10]. В некоторых поселках культуры *дзёмон* были обнаружены здания особой конструкции и крупных размеров (50-60 кв. м) – по мнению учёных это места общинных собраний и церемоний [16, с. 309; 54, р. 10].

Обитатели такого поселения (деревни или городища) вели коллективное охотничье-рыболовческое хозяйство [7, с. 56; 30, с. 4-5; 34, с. 40, 41; 29, с. 178, 107]. Подобный тип хозяйства сохранился у потомков *дзёмонцев* – современных *айну* и хорошо известен на основе этнографического материала [38, с. 168-169, 142-145; 36, с. 42, 45; 4, с. 38-39, 96; 44, р. 48]. В период среднего *дзёмона* (2,5-1,5 тысяч лет до н.э.) сложились два основных археологических комплекса культуры *дзёмон*. (1) У жителей внутренних (горных) районов преобладали охота и собирательство; охотничьему инвентарю сопутствовала более развитая и сложная керамика типа *кацудзака*. (2) У жителей прибрежных равнин преобладали рыболовство и морской промысел; рыболовному инвентарю сопутствовала более простая керамика типа *атамадай* [14, с. 12, 17, 18; 16, с. 309]. Существование двух производственных комплексов периода присваивающей экономики могут подтвердить и косвенные данные письменных источников, сообщающих, что в «эпоху богов» (яп. *дзиндай*) (то есть в догосударственный период), на Кюсю было горное охотничье хозяйство и прибрежное рыболовческое хозяйство (легенда о двух братьях и крючке) [31; 32; 51; 20; 21; 22; 49]. В условиях мягкого климата, щедрой природы и разнообразных ландшафтов собирательство, рыболовство и охота без особого труда давали пищу и одежду. Долгое время считалось, что выражено горный характер страны и отсутствие в диком виде растений, пригодных для возделывания, не способствовали переходу от собирательства к земледелию. К тому же на Японском архипелаге отсутствовали крупные животные, что исключало возможность приручения их и возникновения скотоводства (единственным домашним животным была собака) [33, с. 22-23; 28, с. 36, 39].

Кроме того, в неолите не отмечено связей обитателей Японского архипелага с древним населением Сибири и Дальнего Востока, с ближайшими областями азиатского материка [1, с. 61, 66; 37, с. 93], поэтому долгое время отсутствовал внешний фактор, который мог бы содействовать ускоренному развитию и смене неолитической культуры более высокой [33, с. 23]. В связи с этим, долгое время полагали, что японское неолитическое население не знало ни земледелия, ни скотоводства как особой формы хозяйства.

Однако исследования японского учёного Ватанабэ М., проведшего тщательный анализ растительных остатков, обнаруженных на стоянках *дзёмона*, существенно поколебали старые представления и вызвали дискуссию по вопросу возникновения земледелия в Японии в период *дзёмон* [6, с. 32; 39, с. 22, 23 и сл.]. Первые археологические данные о зачаточном земледелии –

тыква-горлянка, перилла, лопушник, бобовые, гречиха и др. датируются **IV тыс.** до н.э.¹¹ Результаты исследований последних лет дали свидетельства в пользу существования земледелия в Японии в раннем *дзёмоне* (III тыс. до н.э.) [6, с. 32, 190-191; 16, с. 311; 38, с. 298, 131]. Очень важна в этом плане работа Ёсидзаки М. и канадских исследователей Г. Крауфорда и В. Харлея. На стоянке раннего *дзёмона* Хаманасуно, расположенной недалеко от Хакодате на юго-западе Хоккайдо, в 1974 году во время раскопок благодаря новым методам удалось выделить зёрна гречихи [Васильевский и др., 1982. С. 32; Кузнецов и др., 1988. С. 10; ИПО, 1986. С. 311-312]. Остатки обугленных зёрен были найдены также на нескольких стоянках в Центральном Хонсю [6, с. 32; 23, с. 10; 16, с. 311-312]. Они определяются как зёрна японского вида проса – *ава*. Судя по типам керамики, учёные определили возраст стоянок как конец раннего – средний *дзёмон* (II тыс. до н.э.) [6, с. 32]. Многочисленные тёрочные камни и песты, встречавшиеся на стоянках среднего и даже раннего *дзёмона*, как будто бы свидетельствовали о наличии земледелия, во всяком случае, в горных долинах Центрального Хонсю. В связи с этим, некоторые исследователи не исключают возможности возникновения земледелия в Центральной Японии даже в период среднего *дзёмона*. Однако прямых доказательств не было. Речь могла идти лишь о развитии активного специализированного собирательства [6, с. 32, 190-191; 16, с. 311; 38, с. 298, 131].

В связи с этим были выдвинуты предположения, что земледелие на Японских островах появилось задолго до проникновения туда рисоводческой культуры *яёй* (во второй половине I тыс. до н.э.). На ряде поселений позднего *дзёмона* Центральной и Юго-Западной Японии открыты следы довольно развитого зернового земледелия со следами возделывания риса, проса, гречихи [15, с. 118; 6, с. 189; 36, с. 32; 4, с. 41; 38, с. 130-131, 289; 9, с. 396; 23, с. 10; 52, р. 84]. В связи с этим, японский исследователь Киндайти К. обратил внимание на мифологический сюжет *айнов*, когда культурный герой *Окикуруми* спустился с небес в *Айнумосири* (страну *айнов*), куда он украдкой от богов принёс пригоршню семян растения “*нияпа / пийапа*” (яп. *хиэ* – в «Идзумо-фудоки» это просо; японское *бияпа* – «гречиха», «хлебный злак»). После этот злак «распространился по земле» [38, с. 32, 44; 4, с. 41].

Наиболее раннее свидетельство возделывания риса относится к 1200 году до н.э. (на Кюсю, в Итадзукэ, префектура Фукуока), но в этот период рисосеяние ещё не получило сколько-нибудь широкого распространения [26, с. 54]. Не подлежит сомнению, что к 1000 году до н.э. подсечное земледелие (выращивание гречихи, проса) уже получило определенное распространение [26, с. 28]. В это время в центральной части Хонсю отмечается период общего культурного подъёма и рост населения, что могло быть связано с появлением земледелия [6, с. 189]. Численность населения архипелага в конце периода

---

¹¹ Показательно, что первые данные о зачаточном земледелии совпадают с понижением среднегодовых температур, что привело к сокращению населения архипелага [26, с. 54].

дзёмон учёными оценивается в 1 млн человек [26, с. 27]. Таким образом, **начало переходного периода** от присваивающего хозяйства к производящему можно датировать концом II – началом I тыс. до н.э.

Однако земледелие позднего *дзёмона* имело ряд особенностей. Во-первых, в отличие от поливного земледелия *яёй* в позднем *дзёмоне* земледелие имело богарный характер (то есть посевы производились накануне дождей; иногда для повышения плодородия почвы траву и кустарники на таких участках предварительно поджигали, что свойственно паловому земледелию) [16, с. 312, 323]; во-вторых, как показывают материалы статистических расчётов археологических находок, земледелие ещё не было ведущей формой хозяйства в экономике населения *дзёмона* – на первом плане у них было рыболовство, морской зверобойный промысел и охота [6, с. 190-191; 38, с. 133; 3, с.47; 7, с. 52, 60].

В результате, хозяйство поздних *дзёмонцев* имело *смешанно-переходный от присваивающей к производящей экономике характер*. Исследователи относят такой тип хозяйства к *комплексной рыболовческо-земледельческо-собирательской экономике*, которая характеризуется формированием земледелия в условиях большой роли рыболовства или зверобойного промысла (морской охоты), обусловивших раннее развитие оседлости. Это первоначально благоприятно влияет на зарождение земледелия, а затем, обеспечивая устойчивое поступление продуктов питания, тормозит полную победу экономики нового типа [6, с. 191]. В связи с этим, некоторые учёные отмечают, что поздний неолит в Японии принял несколько застойный характер [7, с. 60]. Здесь нужно учитывать и то, что, как ныне выяснено, процесс сосуществования присваивающих и производящих форм растягивался надолго, нередко на одно-два тысячелетия [41, с. 32].

Таким образом, наиболее древним этнически прослеживаемым населением Японских островов стали носители гаплогруппы D – предки народа *айну*, появившиеся на архипелаге в период до X тыс. до н.э. Позднее, в начале II тыс. до н.э., из Юго-Восточной Азии в Японию мигрировали *аустронезийцы* – носители гаплогруппы O-47z. В результате всех этих переселений на основе айнского этнокультурного компонента, как превалирующего на островах, формируется неолитическая культура *дзёмон* (VIII-I тыс. до н.э.). В основе хозяйства носителей этой культуры лежали охота, рыбная ловля, прибрежное и лесное собирательство (присваивающее хозяйство). К 1000 году до н.э. уже получило определённое распространение подсечное земледелие (выращивание гречихи, проса), в силу чего хозяйство приобрело смешанно-переходный от присваивающей к производящей экономике характер.

Литература:

1. Арутюнов С.А. К оценке роли миграций в древней истории Японии // Советская этнография. 1960. № 1. С. 60-71.
2. Арутюнов С.А. Этническая история Японии на рубеже нашей эры // Труды Института этнографии: Восточно-азиатский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 137-175.

3. Арутюнов С.А. Этнографический очерк // Современная Япония: справочник. М.: Наука, 1968. С. 45-70.
4. Арутюнов С.А., Щебенков В.Г. Древнейший народ Японии. М.: Наука, 1992. 209 с.
5. Васильевский Р.С. По следам древних культур Хоккайдо. Новосибирск: Наука, 1981. 176 с.
6. Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу. Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск: Наука, 1982. 208 с.
7. Воробьев М.В. Древняя Япония. М.: Изд. вост. лит., 1958. 119 с.
8. Воробьев М.В. Япония в III-VII веках. М.: Наука, 1980. 344 с.
9. Деопик Д.В., Крюков М.В. Древнеяпонские государства // История древнего Востока / под ред. В.И. Кузищина. М.: Высш. шк., 1988. С. 396-398.
10. Дзусэцу нихон сёмин сэйкацу-си 図説日本庶民生活史. Токио 東京: Кавадэ сёбб синся 河出書房新社, 1962. Т. I. – 251 с.
11. Дьяконова Е.М. Древняя Япония // История древнего мира: упадок древних обществ. М.: Наука, 1989. С. 211-219.
12. Ермакова Л.М. Речи богов и песни людей: ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики. М.: Вост. лит., 1995. 272 с.
13. Ермакова Л.М. Три типа ритуальных текстов древней Японии // Религии древнего Востока. М.: Вост. лит., 1995. С. 259-301.
14. Иофан Н.А. Культура древней Японии (до VIII века н.э.). М.: Наука, 1974. 261 с.
15. История народов Восточной и Центральной Азии: с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1986. – 580 с.
16. История первобытного общества. М.: Наука, 1986. Т. II. 574 с.
17. История первобытного общества. М.: Наука, 1988. Т. III. 566 с.
18. Исэки сэйби сирё 遺跡整備資料. Нара 奈良, 1982. Т. III. С. 1-70.
19. Иэнага Сабуро. История японской культуры. М.: Прогресс, 1972. 231 с.
20. Кодзики 古事記 (из серии “Нихон котэн дзэнсё” 日本古典全集). Токио 東京: Асахи симбун сякан 朝日新聞社刊, 1968. Т. I.
21. Кодзики 古事記 (из серии “Нихон котэн бунгаку дзэнсё” 日本古典文学全集). – Токио 東京: Сёгаккан 小学館, 2001. 464 с.
22. Кодзики: Записи о деяниях древности. СПб.: Шар, 1994. Т. I. 320 с.
23. Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии. М.: Высшая школа, 1988. 432 с.
24. Левин М.Г. Этническая антропология Японии. М.: Наука, 1971. 236 с.
25. Лисовой Н.Н. Сквозь века, традиции и стили // Искусство стран Востока. М.: Просвещение, 1986. С. 269-298.
26. Мещеряков А.Н. Внешний фактор в истории культуры Японии // Азия – диалог цивилизаций. СПб.: Гиперион, 1996. С. 17-55.
27. Миура Ёнин 三浦洋人. Хадака нихон-си はだか日本史. Токио 東京: Сайкё синся 彩光新社, 1958. – 271 с.

28. Мори Киёто 森清人. Нихон синси 日本新史. Токио 東京: Кинсэйся 錦正社, 1962. – 366 с.
29. Нихон дзэнси 日本全史. Токио 東京: Тōкē-дайгаку сюппанкай 東京大学出版会, 1958. Т. I. – 321 с.
30. Нихон-но кэнгоку 日本の建国. Токио 東京: Тōкē-дайгаку сюппанкай 東京大学出版會, 1957. – 246 с.
31. Нихон-сёки 日本書紀 (из серии “Кокуси-тайкэй” 国史大系). Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. Ч. I. Т. I. – 417 с.
32. Нихон-сёки: Анналы Японии. СПб.: Гиперион, 1997. Т. I. 496 с.
33. Окладников А.П. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре // Советская этнография. 1946. № 4. С. 11-33.
34. Сано Ямато 佐野大和. Нихон-но акэбоно 日本のあけぼの. Токио 東京: Сё хō сётэн 小峰書店, 1959. – 282 с.
35. Сондерс Э.Д. Японская мифология // Мифологии древнего мира. М.: Наука, 1977. С. 405-431.
36. Спеваковский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов. М.: Наука, 1988. 205 с.
37. Спеваковский А.Б. Основные проблемы изучения айнов в отечественной литературе // Этносы и этнические процессы. М.: Наука, 1993. С. 92-96.
38. Таксами Ч.М., Косарев В.Д. Кто вы, айны? М.: Мысль, 1990. 318 с.
39. Уэда Масааки 上田正明, Мори Кōити 森浩一, Ямада Мунэмуцу 山田宗睦. Нихон кодай-си 日本古代史. Токио 東京: Тикума сёбо 筑摩書房, 1980. – viii, 334 с.
40. Ханин З.Я. Из истории происхождения дискриминации в Японии // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1968. Вып. 6. С. 125-132.
41. Черных Е.Н., Венгеров А.Б. Структура нормативной системы в древних обществах: методологический аспект // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.: Наука, 1987. С. 23-38.
42. Шафрановская Т.К. Народы Японии // Музей антропологии и этнографии АН СССР. Л.: Наука, 1979. С. 76.
43. Япония // Искусство стран и народов мира. М., 1981. Т. V. С. 591-717.
44. Hammer M.F., Karafet T.M., Park Hwayong, Omoto Keiichi, Harihara Shinji, Stoneking M., Horai Satoshi. Dual origins of the Japanese: common ground for hunter-gatherer and farmer Y chromosomes // Journal of Human Genetics. Vol. 51. 2006. No 1 (January). P. 47-58.
45. Hong Wontack. History of ancient Japan. The Yamato Kingdom: The first unified state in the Japanese islands established by the Paekche people in the late fourth century, 2005 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.wontackhong.pe.kr> (дата обращения: 12.01.2017).

46. Hoover K.C., Hudson M.J. Resilience in prehistoric persistent hunter-gatherers in northwest Kyushu, Japan as assessed by population health and archaeological evidence // *Quaternary International*. 2016. No 405. P. 22-33.

47. Hudson M.J. The sea and early societies in the Japanese islands // *The Sea in History – The Ancient World* / Eds. C. Buchet, P. Arnaud, P. De Souza. Shizuoka: Mt. Fuji World Heritage Centre for Mountain Research and the Museum of Natural and Environmental History, 2017. P. 102-113.

48. Kidder J.E. *Japan before Buddhism*. New York: Frederick A. Praeger, 1959. – 282 p.

49. Kojiki: Records of ancient matters / Transl. by B.H. Chamberlain. Tokyo: Charles E. Tuttle Co, 1982. P. 1-428.

50. Munsterberg H. *The arts of Japan: an illustrated history*. Tokyo: Charles E. Tuttle Co., 1988. – 201 p.

51. Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697 / Transl. by W.G. Aston. London: Allen, 1956. Part I. – 407 p.

52. Palmer Edwina. Land of the Rising Sun. The predominant east-west axis among the early Japanese // *Monumenta Nipponica*. 1991. Spring. Vol. 46. No 1. P. 69-90.

53. Sansom G. *A history of Japan*. London: Gresset press, 1958. Vol. I. 500 p.

54. Vargö Lars. Social and economic conditions for the formation of the early Japanese state. Stockholm: Stockholm University, 1982. 189 p.

© Суровень Д.А., 2020 г.

УДК 94(5):930.85:[94(57)+94(517)+94(34)]

В.Г. Соколов

к. филос. н., с. н. с.

Россия, г. Москва, Международный Центр Рерихов

V.G. Sokolov

s. of philos. s., Senior Researcher

Russia, Moscow, International Centre of the Roerichs

ПО ПУТИ ДРЕВНИХ КОЛЕСНИЦ

ON THE WAY OF ANCIENT CHARIERS

Аннотация: в работе раскрывается значение древних колесниц для прояснения важных историко-культурных вопросов, связанных с великими этническими передвижениями, которые не только перекраивали политическую карту древних эпох, но и протягивали живительные нити культурных взаимодействий и влияний.

Abstract: The article reveals the significance of ancient chariots to clarify important historical and cultural issues related to great ethnic movements, which not only redrew the political map of ancient eras, but also stretched the life-giving threads of cultural interactions and influences.

Ключевые слова: колесницы, миграция, культура, арии, индоевропейцы, Азия, Индия, символ, солнце